

Демографические процессы в социальном контексте

А. Вишневский

Тезисы доклада на Конференции
«Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России»
(Москва, 27-28 февраля 2002 г.)

1. Россия вступила в третье тысячелетие не в самой лучшей демографической форме. Неоправданно высокая смертность, низкая рождаемость, сокращение населения, замирающая миграция. Все это происходит на фоне более общих глубоких и болезненных экономических и социальных перемен, и неудивительно, что общественное мнение склонно рассматривать негативные демографические тенденции как прямое следствие этих перемен.

2. От того, верен или неверен такой взгляд, зависит понимание не только демографического настоящего, но и демографического будущего России. Если речь действительно идет о простой реакции на экономической и социальный кризис 90-х годов, то можно надеяться, что по мере преодоления этого кризиса улучшится и демографическая ситуация. Если же главные демографические тенденции имеют более глубокие причины и более давнее происхождение, то, возможно, нет и оснований для подобного оптимизма.

3. Хотя автор доклада принадлежит к числу тех демографов, которые рассматривают демографические процессы как относительно автономные по отношению к другим социальным процессам, он, конечно, не считает их абсолютно независимыми от социального, экономического или политического контекста. Более того, он полагает, что демографические тенденции в России надо рассматривать в двух контекстах: внутривосточном и глобальном. Это относится ко всем главным демографическим процессам: смертности, рождаемости и миграции.

4. Тенденции смертности в России с наибольшим основанием могут быть охарактеризованы как кризисные, хотя их никак нельзя связывать только с событиями последних 10-15 лет, они четко прослеживаются по меньшей мере с середины 60-х годов. Главная причина – сохранение консервативных государственно-патерналистских установок, которые очень сильно ограничивают сферу индивидуальной активности и ответственности, в том числе и когда речь идет об охране собственного здоровья и жизни. Это особенно заметно на более поздних стадиях модернизации смертности, когда она в большей степени зависит от индивидуального поведения. Через более ранние и очень важные ее стадии процесс вымирания поколений в России XX века прошел довольно успешно. Тем не менее вся система ценностей – и индивидуальных, и общественных – все еще остается в значительной степени архаичной, предопределяет такое распределение приоритетов, при котором и общество, и каждый отдельный человек жертвует здоровьем и даже жизнью во имя других, считающихся более важными целей, охрана здоровья неизменно финансируется по «остаточному принципу», не обеспечивается должная свобода выбора врача, больницы, метода лечения, страхования и т.д. Все это и привело к тому, что уже несколько десятилетий назад модернизационные изменения были блокированы и ситуация со смертностью перестала улучшаться. В этом, собственно, и заключается долговременный кризис смертности в России, последнее десятилетие не принесло принципиальных изменений.

5. Как ни странно, но откровенно кризисные, долговременные тенденции смертности тревожат российское общественное мнение гораздо меньше, чем тенденции рождаемости, дать однозначную оценку которым гораздо сложнее. Нет сомнения, что, с точки зрения внутрироссийского контекста, чрезвычайно низкая рождаемость, главная причина сокращения населения России, крайне неблагоприятна для страны. Однако, в отличие от очень высокой смертности, она не представляет собой чего-то исключительного, сходный уровень рождаемости наблюдается во многих развитых странах с совершенно иными социально-экономическими условиями. Это можно было бы интерпретировать как общий кризис всей современной «постиндустриальной» цивилизации, причины которого не могут быть найдены и устранены в одной стране. Впрочем, и при таком подходе нельзя не видеть, что снижение рождаемости в постиндустриальных обществах сопряжено со многими изменениями, которые принято интерпретировать как позитивные атрибуты модернизации: почти полная ликвидация детской смертности, эмансипация и самореализация женщины, растущие удельные инвестиции в детей, рост образования и пр. Учитывая это, возможно, следует говорить не о кризисе, а о внутренней противоречивости модернизационного процесса, а может быть и о том, что модернизация объективно переносит акцент с количественных на качественные характеристики социальной жизни.

Однако снижение рождаемости следует рассматривать и в более широком, глобальном контексте. В этом снижении можно видеть системную реакцию на общемировой демографический кризис, порожденный мировым демографическим взрывом и ростом нагрузки на ограниченные ресурсы планеты. При таком истолковании снижение рождаемости в глобальных масштабах ниже уровня простого воспроизводства на достаточно длительный период есть благо, а снижение рождаемости в России, как и на «Западе», - лишь эпизод такого глобального поворота. Как бы это ни было неприятно для всех развитых стран, а для России с ее огромной территорией – особенно, поделаться с этим ничего нельзя, потому что интересы сохранения всего человечества выше интересов отдельных стран.

6. Связь внутренних миграций с социальным контекстом, преимущественно внутрироссийским, очевидна. На протяжении большей части XX века многомиллионные перемещения сельского населения в города были одним из главных инструментов и одновременно результатов модернизационных сдвигов, которые изменили облик страны. С этими же сдвигами, в частности, с промышленным освоением новых районов, созданием новых городов и т.д. были связаны и межрайонные, в частности и межреспубликанские миграции советского периода. В то же время внешняя миграция на протяжении большей части этого периода была искусственно блокирована.

Политические перемены конца столетия, распад СССР и возникновение новой России в никогда не существовавших прежде границах очень сильно изменили общий контекст и выдвинули на первый план внешние миграции (тем более, что потенциал внутренних миграций к этому времени был в значительной степени исчерпан).

Новый внутрироссийский контекст, в котором теперь приходится рассматривать внешние миграции, противоречив. С одной стороны, явное несоответствие убывающего российского населения и огромной территории страны (большее, чем во времена СССР) делает желательной иммиграцию, и это – демографический процесс, которым управлять намного легче, чем смертностью или рождаемостью. С другой же стороны, всякая иммиграция порождает

экономические, социальные, а иногда и политические напряжения, проблемы межкультурного взаимодействия и т.д., что неизбежно и в России, где пока преобладают антииммиграционные, а иногда и откровенно ксенофобские настроения. Поэтому рассчитывать на слишком благожелательное отношение россиян к иммиграции в ближайшее время не приходится.

Но существует еще и глобальный контекст, который определяется стремительным увеличением числа жителей в бедных развивающихся странах и нарастающим демографическим давлением на развитые страны. Оно проявляется, в частности, в нарастающей легальной и нелегальной миграции в эти страны, поисках политического убежища в них и т.д. Итоговый результат формируется под воздействием всех компонентов как внутрироссийского, так и мирового контекста, что делает этот результат трудно предсказуемым.

7. Отвечая на вопрос, поставленный в начале доклада, следует сказать, что главные нынешние демографические проблемы России едва ли следует связывать с экономическим и социальным развитием страны в последние 10-15 лет. Возможно, этот период высветил и обострил некоторые проблемы, но в своей основе они имеют давние исторические и социокультурные корни. Более того, большинство из этих проблем имманентны тому типу развития, который Россия избрала не одно десятилетие и даже не одно столетие тому назад, когда она вступила на путь догоняющей модернизации. Любая разумная стратегия общества должна учитывать глубокую обусловленность нынешних российских демографических тенденций, а не исходить из иллюзорных возможностей их легкого и быстрого изменения.